

Хосе-Мария Виллагра

Антарктида

Хосе-Мария Виллагра

Антарктида

«Accent Graphics communications»

2014

Виллагра Х.

Антарктида / Х. Виллагра — «Accent Graphics communications», 2014

«Вдохновенная проповедь бесчеловечности». «Удивительная способность видеть то, чего нет». Такими словами встретила эту книгу латиноамериканская критика. Чилийский писатель Хосе-Мария Виллагра еще довольно молод и, наверное, заслуживает не только лестных слов, но, так или иначе, «Антарктида» – повесть, которая заставила о нем говорить. «Антарктида» – классическая утопия. И, как всякая утопия, она кошмарна. Люди умирают от счастья! Что может быть безнадежнее? Рай, в сущности, это тоже конец света. Во всяком случае – рай на земле. Это мир, где нет зла, а значит – и нет добра. И где любовь неотличима от зверства. Впрочем, так ли уж фантастично все это? Несмотря на футурологическую направленность, основная идея этой повести продолжает тему, которой, по сути, посвящена вся мировая культура: все вокруг не то, чем кажется. Все вокруг только кажется нам. И к реальному миру сказанное относится в куда большей степени, чем к вымышленному. Герои этой книги задаются вопросом, который сводит с ума людей со времен Платона и Аристотеля. Почему жизнь только кажется нам? С этого вопроса и начинается бегство от нереальности бытия.

© Виллагра Х., 2014

© Accent Graphics
communications, 2014

Содержание

От переводчика	5
Часть первая	8
1	8
2	9
3	10
4	12
5	13
6	14
7	17
8	21
9	22
10	24
11	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Хосе-Мария Виллагра

Антарктида

От переводчика

«Вдохновенная проповедь бесчеловечности». «Удивительная способность видеть то, чего нет». Такими словами встретила эту книгу латиноамериканская критика. Чилийский писатель Хосе-Мария Виллагра еще довольно молод и, наверное, заслуживает не только лестных слов, но, так или иначе, «Антарктида» – повесть, которая заставила о нем говорить.

«Антарктида» – классическая утопия. И, как всякая утопия, она кошмарна. Люди умирают от счастья! Что может быть безнадежнее? Рай, в сущности, это тоже конец света. Во всяком случае – рай на земле. Это мир, где нет зла, а значит – и нет добра. И где любовь неотличима от зверства. Впрочем, так ли уж фантастично все это? Несмотря на футурологическую направленность, основная идея этой повести продолжает тему, которой, по сути, посвящена вся мировая культура: все вокруг не то, чем кажется. Все вокруг только кажется нам. И к реальному миру сказанное относится в куда большей степени, чем к вымышленному. Герои этой книги задаются вопросом, который сводите ума людей со времен Платона и Аристотеля. Почему жизнь только кажется нам? С этого вопроса и начинается бегство от нереальности бытия.

Та довольно жесткая манера, в которой написана повесть, отчасти объясняется противоречивой личностью автора. Его дед был видным государственным деятелем режима Аугусто Пиночета, в то время как большинство его родственников принадлежали к демократическому лагерю и многие из них пострадали в период военной диктатуры. По отцу он отпрыск старого аристократического рода, потомок конкистадоров. А по матери – мапуче. Это единственный индейский народ Южной Америки, который не был завоеван ни инками, ни испанцами. Мапуче сохраняли независимость до конца XIX века, и их культура никогда не отличалась особой сентиментальностью. Вот как, к примеру, обошлись они в 1553 году с Педро де Вальдавия, одним из предков Хосе-Марии: они отрезали испанцу острыми раковинами руки и ноги, поджарили их и съели на глазах у еще живой жертвы, а затем умертвили пленника, заставив его пить жидкое золото. Кстати, последнее человеческое жертвоприношение у мапуче было официально зафиксировано в 1960 году, когда богу моря Ньен Лав Кену, наславшему на Чили цунами, был отдан мальчик-сирота.

Те полубоги, а вернее – полулюди, которые действуют в повести, носят имена древних индейских божеств Киллены и Ванглена. Их мифологические взаимоотношения с точки зрения европейца выглядят довольно туманно: они при жизни питали лютую взаимную ненависть, но страстно полюбили друг друга после того, как погибли во взаимной борьбе. Затем они возродились силой взаимной тоски и еще больше возненавидели друг друга, каждый даже поменял себе пол, чтобы сподручнее было противостоять врагу, после чего они вновь полюбили друг друга, возненавидев себя, и т. д. Символика этих имен до конца становится понятной лишь после долгих экскурсов в хитросплетения эстетики мапуче, поэтому здесь я ограничусь лишь тем пояснением, что примерным, скорее эмоциональным, чем смысловым, их аналогом для европейского уха могут служить такие сочетания имен, как Орфей и Эвридика, Эней и Дидона или, если хотите, Адам и Ева.

В принципе, автор достаточно космополитичен. Он много путешествовал, жил в США, в Европе, в том числе и в Москве, где переводчик и познакомился с будущей звездой латиноамериканской литературы. Виллагра неплохо знает русскую литературу, читает ее в ориги-

нале. Данный перевод делался при его активном участии и является, в сущности, авторским вариантом повести.

Кстати, даже с учетом европейской составляющей пестрого культурного бэкграунда Виллагры русскому читателю следует учитывать еще одну особенность, которая вносит дополнительный колорит в фантазмагорический калейдоскоп «Антарктиды». Оставив в стороне традиционную специфику южноамериканских рассуждений о добре и зле, замечу лишь, что даже понятия Юг и Север для чилийца значат совсем не то, что для нас с вами. Впрочем, вряд ли все это столь важно. Ведь дело касается другого полушария Земли, но не мозга. Кто-то должен быть крайним. Если не Север, то Юг.

Леонид Ситник

P.S. И еще один момент... В принципе, я вполне мог бы и вовсе не упоминать о нем, поскольку, в отличие от автора, не считаю его таким уж важным с точки зрения качеств этой книги. Но раз уж автор настолько озаботился этим обстоятельством, что пожелал его скрыть, то, наверное, оно достойно упоминания, тем более что и сам автор вовсе не стремился, во всяком случае – в России, окружать свою личность завесой непроницаемой тайны, а сделал это, скорее, ради шутки, в рамках литературной игры, которой и является, по сути, любая книга, и если автор скрыл этот факт, то лишь потому, что и сам считает его не имеющим никакого значения, а в такой стране, как Чили, сделать это обстоятельство не имеющим никакого значения для восприятия собственно книги можно, лишь вывернув его наизнанку, благо двойное и двойственное имя позволяло сделать это без лишних ухищрений, простым умолчанием. Дело в том, что наш жесткоперый автор на самом деле – милая женщина.

Я не готов прямо сейчас пускаться в длинные рассуждения о мужском и женском началах в творчестве, которые, в целом, не имеют никакого отношения к полу, но эмоциональная сторона этой книги, при всей своей физиологической выпуклости, мягко скажем, не довлеет над ее интеллектуальной составляющей, как это принято считать в отношении женской литературы, и если и говорить о какой-то особенной непосредственности автора, то лишь в том смысле, что его не назовешь посредственным. Впрочем, если кому-то понадобится подходящий повод для того, чтобы списать на него некоторую странность этой книги, то предлагаю воспользоваться именно этим моментом. Пусть этот роман будет женским.

В процессе работы над этим переводом однажды я со своим мужским самоумием чуть изменил один из эпизодов, немного по-иному интерпретировал фразу и даже сам не заметил этого, поскольку на самом деле просто не понял, что в точности имелось в виду, и допустил некоторую вольность, что Мария – так мне было позволено обращаться к автору – сразу почувствовала, восприняв это не как неточность, а именно как мужской произвол, и после довольно бурного обсуждения этого эпизода вездесущий «скайп» неожиданно принес мне с того конца этого света следующее сообщение: «Спасибо за признание в любви!» Конечно, это было сказано всего лишь с дружеской иронией, хотя мне было бы приятно отнести эти слова к русскому тексту этой книги.

P.P.S. Несколько слов по поводу странного финала этой книги. В принципе, вопрос опять-таки второстепенный, но удержаться от удовольствия прокомментировать его я не смог.

Вавилонская башня рухнула не оттого, что люди потеряли общий язык. Подвели расчеты. В древнем Вавилоне считали, что число Пи равняется 3,125. И Вавилон пал. В 2011 г. американский студент Александр Йи и японский исследователь Сигэру Кондо установили очередной рекорд, просчитав число Пи с точностью до 10 триллионов знаков после запятой.

Число Пи, как известно, является отношением длины окружности к ее диаметру. Доказано также, что вычислить его до конца невозможно. Любопытно, что с чисто геометрической точки зрения для любых мыслимых расчетов достаточно первых 39 значений. Длина окруж-

ности вращения Вселенной при этом может быть вычислена с точностью до радиуса протона. Но тогда зачем природе все эти остальные триллионы?

Есть гипотеза, что в этом числе зашифровано все, что только есть в мироздании. К примеру, каждый человек может отыскать в нем свой телефонный номер. А можно найти в нем закодированную «Войну и мир» и вообще все что угодно, включая еще ненаписанные произведения и даже несозданные миры. Вопрос лишь в правильной расшифровке, задача которой, впрочем, представляется едва ли разрешимой.

Но истинная проблема состоит в том, что точное значение одной из основных констант бытия получено быть не может в принципе, потому что очень похоже, что это не число, а чувство – чувство меры, чувство красоты. И создано оно неисчерпаемым, в том числе и для того, чтобы показать тщету всех наших попыток поверить алгеброй гармонию. Поэтому вавилонская башня цивилизации рано или поздно все равно падет. Она ложна, как любовь по расчету. Однако эта книга, в сущности своей, не столько один из бесчисленных сценариев того, как это, возможно, произойдет (в таком качестве она была бы банальна и скучна), сколько еще одна попытка выразить некоторое неисчислимое чувство, одна из бесчисленных попыток, совокупность которых называется литературой.

Часть первая

1

Двое стоят на песке и смотрят в море. Их кожа покрыта великолепным северным загаром. Одежды на них нет, но они держат себя так, будто на них красуются самые пышные наряды, будто их тела – роскошная одежда, которую они носят со сдержанной торжественностью, но совершенно естественно и даже с какой-то изящной небрежностью, переходя от одной позы, которую назвать картинной мешала лишь ее совершенная простота, к другой с непринужденной пластикой борца или танцора, когда он не танцует и не борется. Один из них молод и строен. Он не уступает в росте второму, но тот намного шире в плечах.

Однако не в возрасте и стати состояло главное и разительное различие между ними. Тот, что моложе, выглядел столь изящным в пропорциях и сочленениях своего тела, что казался нарисованным в воздухе, очерченным несколькими сильными взмахами огненного угля. Не нужны были никакие подробности, чтобы восхищаться этим очерком. Все прочие черты казались случайными. Другой, постарше, был плотно вырезан из огромной глыбы живого камня. Он весомо отливался совершенно нереальными деталями своей чудовищной мускулатуры, легко преодолевая бремя бытия концентрированностью своего в нем присутствия. Даже стоя на месте со сложенными на груди руками он просто взрывал треугольником спины пространство вокруг себя, в то время как его товарищ плыл, рисовался в нем, и его, прямоплечего и узкобедрого, еще надо было разглядеть в глубине резкости трехмерного мира.

– О чем ты все время думаешь? – внезапно, точно потеряв терпение, спросил тот, что моложе.

– Я бы тебе сказал, но, боюсь, ты заснешь, меня слушая, – ответил широкоплечий. – Мои мысли не сделают тебя счастливее.

– Конечно, не сделают. Ведь невозможно быть счастливее, чем я есть!

– Никто не может сказать о себе, что счастлив, пока не узнает свою смерть.

– Мне кажется, что я так счастлив, что буду счастлив даже умереть.

– Я об этом и говорю. Придет день, и ты будешь счастлив умереть.

2

Ванглен открыл глаза и, как всегда, в первое мгновение едва не задохнулся от счастья. Он был счастлив просто оттого, что проснулся.

Как бы ни был прекрасен сон, проснуться – вот что было настоящим счастьем. Радость пробуждения была столь острой, что Ванглен вновь закрыл глаза, не в силах стерпеть брызги солнца на потолке и стенах. Ванглен лежал, привыкая к плеску света, к свежести морского воздуха, врывающегося в распахнутое окно, к тяжести литых мышц своего тела. Пробуждение! Всякий раз это было, как сотворение мира.

Ванглен рывком вскочил с постели, прошлепал босыми ногами по мозаичному полу, изображавшему море, солнце и горы, глянул на море, солнце и горы за окном. Пол приятно холодил ступни. Ванглен быстро прошел к выходу и, сладко потягиваясь, выскочил на порог, где замер в розовых лучах восходящего солнца, обзрел лазурную гладь залива, густую зелень пальмовых рощиц, белизну песка, сирень неба. Не в силах больше стерпеть ослепительного счастья бытия, Ванглен вскинул вверх свои руки и возопил во всю мощь легких, затем сорвался с места, одним махом пронырнул бассейн перед домом, прямо по газону пробежал через сад к пляжу и ринулся в море, бешено работая руками и ногами. Ванглен плыл и плыл навстречу зеленому солнцу, пока не выбился из сил настолько, что перестал чувствовать что-либо, кроме стучащей в висках крови. Он полежал на воде, приходя в себя, разгоняя розовый туман перед глазами. Берег казался узенькой полоской песка и зелени в беспредметной акварели моря. Ванглен неторопливо поплыл назад.

Выйдя из воды, юноша пошел в сад и принялся поднимать над головой и швырять на траву огромные камни, чтобы разогреться и почувствовать каждую клеточку своего тела. Некоторые камни были столь велики, вровень с его ростом, что он мог лишь ворочать их с бока на бок, да и для этого требовалось собрать всю силу. Он швырял, тягал и катал валуны, пока его кожа не залоснилась от синего пота. Мышечная радость привела Ванглена в эйфорию, и он с дикими воплями принялся плескаться у берега, поднимая искрящиеся брызги до самого неба.

Ополоснувшись, Ванглен напился прямо из моря, зачерпывая воду пригоршнями и наслаждаясь ее свежестью и сладостной чистотой.

Утолив жажду, он вылез на берег и лег на песок, слушая, как плещутся волны, как шелестит ветер листьями пальм, как гудят вершины сосен с огромными лазоревыми цветами, торчащими из хвои. Он сел и долго смотрел на то, как удивительно расположились разбросанные в саду камни, какие причудливые тени рисуют на девственном песке тени фруктовых елей. Мир был столь прекрасен, что казался нереальным. Ванглен словно оцепенел. О, какое это странное, странное, странное чувство – жить! Он вдруг ощутил себя счастливым, как никогда раньше.

А это был всего лишь крепкий порыв ветра.

И тогда Ванглен встал и побежал. Он бежал что есть мочи, чтобы сильнее почувствовать, как приятель-ветер ласкает его кожу и гладит волосы, как влюбчивое солнце нежит ему спину и целует плечи. Иногда, дурачась, он начинал бежать огромными скачками, крутился колесом, делал сальто. Он то сбегал на рыхлый песок, то несся по колена в воде, стараясь напрячь радость бега, и вновь переходил на ровную тропу по самой кромке шелкового моря. Подошвы плотно впечатывались в мокрый песок – и это тоже было наслаждение, которое хотелось длить и длить. Ванглен бежал уже довольно долго, когда увидел девушку на берегу.

3

Девушка сидела на песке, у самого моря. Ванглен заметил ее еще издали – маленькая фигурка на пустом пляже. Она была прекрасна, как и все девушки Антарктиды, и сердце Ванглена радостно подпрыгнуло.

Он еще издали окликнул ее, но девушка сидела неподвижно, уставившись в песок прямо перед собой. Лишь ветер слегка шевелил полог ее густых волос, казавшихся необыкновенно черными даже на фоне до синевы загорелой спины. Девушка никак не реагировала на его оклики, но лишь оказавшись рядом, Ванглен понял, в чем дело, и сам едва не оцепенел. Прямо перед ней на песке лежала... книга!

Увидев книгу, Ванглен чуть не вскрикнул от неожиданности, но быстро взял себя в руки. Прежде всего он ногой отшвырнул книгу далеко в море. Затем наклонился и заглянул девушке в лицо. Она была уже где-то очень далеко, но ее светло-серые глаза еще не потухли. Пульс все еще сочился по капле в ее запястье, казавшемся таким хрупким в огромной ладони Ванглена. Девушка ушла в себя, но ее тело еще не окоченело. Еще не поздно было попытаться вернуть ее к жизни.

Ванглен подхватил на руки и перенес пушинку девичьего тела в тень пальм. Ее голова и ноги безвольно обвисли. Ванглен от волнения сам едва не терял сознание, но руки делали, что положено. Он положил девушку на песок, пристроив ее голову так, чтобы язык не запал в горло, а затем приник ртом к ее полуоткрытым губам... Бесполезно. Поцелуй жизни не сработал. Девушка быстро остывала на горячем песке, и Ванглен принялся за сердечный массаж. Он старался согреть маленькое тело, мял груди, гладил живот и узенькие бедра. Он щипал ее соски и вновь страстно целовал губы, нос, лоб, прекрасное лицо, кусал мочки маленьких, почти прозрачных ушей. Все было напрасно. Девушка оставалась холодной и бездыханной. Ее прозрачно-серые глаза быстро стекленели.

Торопясь и волнуясь, Ванглен раздвинул девушке ноги. У нее, как и у всех девушек Антарктиды, не было возраста, но теперь Ванглен увидел, что она жила на свете дольше, чем он думал: на ее лобке уже росли волосы.

Дальнейшее оказалось не так легко осуществить с безжизненным телом, ведь по сравнению с девушкой Ванглен был огромен. Он подтянул одну ее ногу и терпеливо совершал свои попытки, пока не справился с узким местом. Ванглен был осторожен и все же чувствовал, что буквально раздирает бесчувственную плоть. Как и все девушки Антарктиды, она была девственницей.

Ее лицо теперь оказалось на уровне его груди, и Ванглен не мог больше целовать ее губы, но он внимательно смотрел в ее застывшие глаза, стараясь уловить малейшее движение век, хотя бы легкую рябь жизни в глубине зрачка. Средоточие его нежных усилий стало твердым, словно кость. Он чувствовал, как тугая плоть поддается его напору.

Придерживая тело девушки за плечи, чтобы оно не ерзало по песку, Ванглен чуть усилил натиск и после нескольких осторожных пресмыканий проникновенно взмахнул бедрами. Он был уверен, что сумеет тронуть девичье сердце. И это сердце наконец содрогнулось.

Шок оказался слишком силен, и девушка выгнулась дугой, почти сбросив с себя Ванглена, который не ожидал такой мощной конвульсии от столь хрупкой на вид плоти. Но он превозмог ее первую судорогу и сильным движением вновь впечатал тело в песок. Девушка вскрикнула, и конвульсии вновь сотрясли ее, но на этот раз Ванглен ждал отклика. Ему удалось расшевелить девушку, задеть ее за живое.

Он смотрел в ее запрокинутое лицо и видел, как ожили губы, как она сделала глубокий и жадный вдох, будто выныривая из-под воды. Ее бледные глаза чуть посинели. Девушка задыхалась полной грудью, вбирая сладостный воздух жизни. Ее тело стало упругим и гибким. Ее

руки вцепились в торс Ванглена. Ее ноги обвили его бедра. Девушка то прижималась к его груди, то откидывала голову и дышала так, точно не могла надыхаться. Ее слепые глаза быстро набирали синевы, затем потемнели и стали черными.

Наращивая силу маха, Ванглен словно плыл с ней. Плыл из океана смерти к берегу жизни. Он видел, что девушка пришла в себя и уже старалась встречными всплесками не сбросить, а поглотить послы Ванглена. Так они дошли до взаимного экстаза. Ванглен подождал, когда ее последние судороги уйдут в песок, и лишь после этого поднялся и сел рядом, тяжело и сладко дыша.

Девушка некоторое время лежала неподвижно, глядя в небо. Ее глаза вновь стали голубыми. Они будто светились на загорелом лице. Девушка потерла узкой ладошкой лоб и виски, огляделась вокруг, точно все еще не понимая, на каком она свете. Наконец она встала, отрянула от пудры песка свои маленькие ягодицы, взглянула светящимися глазами на Ванглена, словно силась его спросить о чем-то. На ее губах выступила капелька голубой крови, и она слизнула ее маленьким розовым языком. Девушка сделала несколько неуверенных шагов по изрытому песку, вошла в море, еще раз молча оглянулась на Ванглена и поплыла, сначала медленно, почти не совершая никаких движений руками и ногами, точно вода сама несла ее от берега, затем быстрее, уверенными и точными гребками проталкивая свое смуглое тело сквозь бирюзовую гладь. Ванглен следил за девушкой, пока она не скрылась из вида в блеске волн где-то далеко, за мысом. После этого он встал, взглянул, как море слизывает узенькие следы на песке, точно и не было никакой девушки на берегу, точно все, что сейчас случилось, лишь привиделось ему на пустом пляже. Ванглен вошел в море, ополоснулся в паху от синей девичьей крови и медленно побрел вдоль берега.

4

Ванглен лежал на камне лицом вниз, крестом раскинув могучие руки. Камень был столь велик, что нечего и пытаться было сдвинуть его с места, и Ванглен невольно думал о той чудовищной силе, которая забросила этот огромный, лобастый валун на середину пролива между двумя вытянутыми грядами островов, больших и таких маленьких, что и сами они казались лишь чередой камней, скользкие шишаки которых едва проступали над сизой дробью волн.

Ванглен лежал на камне, обнимая его теплую от солнца покатуку спину, выглаженную водой, ветром, льдом древнего ледника, временем и, хоть немного, его, Ванглена, ладонями. Он чувствовал щекой твердую зернь породы. Его пальцы ощупывали край трещины, пересекавшей поперек всю глыбу. И непонятно было, что говорило ему о мироздании больше – просторность камня или блажь этой трещины в нем. Следить за трещиной пальцами было целым приключением.

Серые, омытые солнцем валуны были накрошены по всему проливу, громоздились у берегов, поросших поверху колючими пальмами, неведомо как цеплявшимися своими вздутыми корнями за голый камень. По небу тянулись изумленные, выпукло взбитые облака, и, когда лимонное солнце выглядывало из-за них, казалось, нет ничего ярче, чем эти нагретые скалы, плескучая лазурь воды между камней, едкая хвоя пальм с их рдяной корой, поросшей цветастыми мхами. Но солнце скрывалось – и все вокруг гасло, куталось в рваную серость, становилось плоским и по-южному неуютным. Но тем ярче плескала солнечными звездами морская даль между онемевшими, затекшими островами. И вновь появлялось солнце, мгновенно намагничивая камни и плава воду до такой синей, ветреной переливчатости, что берега и скалы, эти сколы бытия, казалось, плыли в ней со всеми своими искрометными крапинами, рудной ржой прожилок и солнечным рельефом тени. Сама их неподъемная тяжесть становилась светлой и плавучей. Камни блуждали в купоросном пламени вод. Но вновь набегало безвольное облако, и мир сутулился, тускнел, уходил в себя, чтобы через минуту опять сбросить хмарь и вспыхнуть с новой силой.

Ванглен очень любил бывать в шхерах. Это был покой, который, меняясь снаружи, оставался неизблемым внутри. Это была дрожь вечности. Даже своей тревожной переменчивостью она умиротворяла душу и говорила о какой-то древней катастрофе, прочертившей борозды этих узких проливов, искорежившей берега, раскидавшей огромные, как горы, камни. Все это так отличалось от усыпанного коралловым песком северного берега, который, в сравнении с суровостью южного, выглядел каким-то ненастоящим, искусственным, декоративным. И вместе с тем Ванглену казалось, что даже если бы кто-то сотворил Антарктиду с тем умыслом, чтобы она выглядела случайной, то он не смог бы создать ничего более естественного, чем шхеры с их бирюзовыми притонами. И, чтобы еще более подчеркнуть этот эффект, все эти обкатанные валуны и стесанные берега словно встали к Ванглену боком, обнажая именно для него свой трагический профиль, но глядя куда-то мимо, поверх, сквозь него, в ту даль, в которую ушел древний ледник, когда-то сорвавший их с места, выдавивший им спины, оставивший шрамы шхер. И не было, казалось, этой природе никакого дела до маленького человека среди огромных камней.

Ванглен перевернулся на спину и взглянул в небо. Облака разошлись под его взглядом, и в литой синеве зенита вспыхнула радуга. Сначала бледная и прозрачная, она постепенно разгоралась все ярче и нереальнее.

5

Когда Ванглен поселился на этом острове, то долгое время считал себя его единственным обитателем. В этом не было ничего странного. Антарктида огромна, и в ней всегда можно отыскать безлюдный уголок. Но однажды во время пробежки Ванглен увидел человека. Он стоял на берегу, широко расставив ноги, и глядел в море.

Ванглен был счастлив встретить живую душу после стольких дней одиночества. Он заулюлюкал, захлопал в ладоши и даже прошелся на руках от восторга. В свою очередь, увидев Ванглена, незнакомец так обрадовался, что захохотал, громко и раскатисто. Чем ближе подбегал к нему Ванглен, тем больше изумлялся облику незнакомца. Они были почти одного роста, но Ванглен еще никогда не видел такой мощи в человеческом облике – перед ним вздымалась настоящая гора мышц. Это был восхитительный соперник, и они сразу, не тратя времени на разминку, вступили в схватку. Ванглен обожал бороться. Иногда ему казалось, что жизнь – это борьба.

Ванглен считал себя опытным борцом, и для него не было секретов в искусстве единоборства, но в этот раз он точно налетел на скалу. Борцы сплелись в тугой ком перекатывающихся мышц, и, при всей своей ловкости и быстроте, Ванглену просто нечего было противопоставить чудовищной силе противника. Кости и сухожилия трещали от напряжения, но он так и не смог добиться ни малейшего преимущества в борьбе за захваты. Он попытался взять соперника хитростью, но тот, похоже, знал все мыслимые приемы и уловки. Ванглен решил измотать его долгой возней, но вскоре понял, что изматывается сам. Соперник был неутомим и вел схватку, как опытный боец. Он не форсировал события. И лишь когда наступил подходящий момент и глаза Ванглена уже застилал кровавый туман усталости, противник вдруг взорвал груды своих мышц. Он поднял Ванглена над землей, красивейшим приемом швырнул его через себя, а затем просто-напросто вкатал юношу в песок. Никогда еще Ванглен не испытывал такого восторга! Это было самое красивое поражение всей его жизни!

Великолепного борца звали Ньен. Он был много старше Ванглена.

Волосы росли у него даже под мышками, а в паху курчавились густыми красивыми кольцами. И когда вечером они доставляли друг другу удовольствие, то Ванглен просто залюбовался, держа в руках его огромный, тяжелый, бугристый корень. Это был настоящий символ мощи.

6

Ванглен стал сходить с Ньеном почти каждый день. Он даже хотел переселиться к нему ближе, благо в окрестных кущах было полно пустых домов. Но Ванглен больше всего любил восходы, а Ньен – закаты, и они продолжали жить на противоположных концах острова, одного из бесчисленных островов у берегов Антарктиды.

Ванглен обожал кидать камни, а Ньен – плавать. Часто он пропадал в море на несколько дней. Но сегодня он был на берегу и, как обычно, смотрел на горизонт, ожидая заката. И, как обычно, они тут же вступили в борьбу.

Ванглен прикладывал все силы, чтобы доставить другу удовольствие поражения, но бороться с Ньеном – все равно, что попасть под камнепад. Мало того, что он был силен и умел, но во время схватки, особенно если она затягивалась, гигант приходил в неистовство и просто калечил соперника. Каждый раз все это заканчивалось для Ванглена одним и тем же. Вот и сегодня он испытал счастье великолепного поражения. Ванглен даже не смог сразу встать с песка и вынужден был какое-то время лежать, ожидая, когда сростутся поломанные ребра. А Ньен стоял, широко расставив ноги, и, по обыкновению, смотрел на горизонт, будто и не было их бешеной схватки.

– Я сегодня встретил на острове девушку, – произнес Ванглен, немного придя в себя.

Ньен обернулся к нему с радостным изумлением. Люди Антарктиды редко говорили друг с другом. Зачем говорить, если и так все ясно. Люди Антарктиды прибегали к словам, лишь чтобы выразить чувства.

– И ты, конечно, влюбился в нее! – засмеялся Ньен.

– В нее нельзя было не влюбиться! – блаженно улыбнулся Ванглен. – Я еще не встречал более красивой девушки!

– Ты счастлив? – смеялся Ньен.

– О, да! Никогда еще я не был так счастлив! Но когда я увидел ее, то не думал о счастье, – ответил Ванглен. – Когда я увидел ее, она читала книгу.

Брови Ньена поползли на лоб. Он перестал улыбаться. Ванглен замолчал, задумчиво набирая в ладонь песок и наблюдая, как он тоненькой струйкой стекает с его пальцев. Он так увлекся этим занятием, что не сразу почувствовал вопросительный взгляд Ньена.

– Она совсем ушла в себя, – продолжил свой рассказ Ванглен. – Мне с большим трудом удалось вернуть ее к жизни.

Какое-то время прошло в молчании. Ньен смотрел в море. Ванглен веял песок по ветру.

– Почему люди засыпают, чтобы никогда больше не проснуться? – спросил Ванглен, продолжая ковыряться в песке.

– Ты хочешь поговорить? – с восторгом повернулся Ньен к другу. – Ты хочешь поговорить о смерти? Я с радостью воспою ее для тебя!

Гигант вновь обернулся к морю, воздел свои громадные руки к заходящему солнцу и возопил:

– О, смерть! Закат дней нашей жизни, венчающий своим великолепием ее долгое счастье! Ты – самое прекрасное, что может случиться с человеком в Антарктиде! Мы все ждем тебя с восторгом и упоением! Мы жаждем тебя! Рано или поздно наступает миг, когда человек не в силах больше выдержать счастье бытия, когда в нем сливаются все краски мира, все его восходы и закаты, весь свет и все тени, ароматы всех цветов, все восторги дружбы и вся любовь, которую он познал. Однажды наступает миг, яркий и упоительный, ради которого все мы и живем в Антарктиде, – миг высшего счастья! И оно столь велико, что становится непереносимым. И человек понимает, что это счастье – внутри него, что счастье – это он сам. И человек растворяется в этом счастье. Человек уходит в себя, чтобы никогда больше не возвращаться.

– Как красиво! Как красиво ты говоришь! – со слезами на глазах прошептал Ванглен, восторженно глядя на вдохновенное лицо друга, на его могучее тело, точно вырубленное из куска мрамора и отшлифованное миллионами поцелуев.

– Значит, книги – это высшее счастье, если от них засыпают? – ликовал Ванглен.

– Люди не всегда умирали от счастья, – тихо, будто колеблясь, продолжать ли, произнес Ньен. – Были и другие времена.

– Ты знаешь про другие времена? – спросил Ванглен, непонятно чему удивляясь, существованию других времен или тому, что его собеседник тоже знает о них.

– Я давно живу на свете, видел много людей, говорил с ними, – Ньен старался хранить спокойствие, но дрожь в голосе выдавала его волнение. – Я видел человека, который никак не мог уснуть и не проснуться. Он жил так долго, что даже лицо у него поросло волосами и они стали белыми, как снег. Он не мог уснуть даже над книгами, хотя он только и делал, что читал их.

– И он рассказал тебе, что написано в книгах? – произнес побледневший Ванглен, снова непонятно чему удивляясь.

– Сначала содержание книг показалось ему очень странным, – Ньен все больше увлекался речью. – Они были совершенно понятны! Они были слишком понятны, чтобы быть написанными лишь ради того, что в них написано. В одной из них, к примеру, говорилось о квазистационарной теории строения материи. В другой рассматривались частные аспекты преобразования струнных пространств с произвольным числом измерений. Были книги, которые вообще целиком состояли из математических вычислений, – сотни страниц сплошных формул, где в самом начале уже было предопределено то, что получится в конце, так что непонятно, зачем все это писалось с начала, а не с конца, с задач, а не прямо с ответов. Беловолосому сперва вообще непонятно было, зачем писались книги. Но потом он понял. Люди, писавшие эти книги, не знали ответов. Представь себе, они искали ответы!

Ванглен судорожно сжимал и разжимал песок в кулаке. Его лицо пошло пятнами. Дыхание стало неровным.

– Людям, писавшим книги, приходилось обо всем думать, даже о чувствах, – продолжал Ньен. – Их рассуждения были замысловаты, и тем не менее они умудрялись делать элементарные, смешные ошибки. Они на полном серьезе думали, что материя из чего-то состоит, а у пространства есть измерения. Люди, писавшие книги, считали, что будут знать больше, если поймут, из чего, к примеру, состоит этот камень. Нам с тобой невозможно даже представить логику их рассуждений, потому что мы знаем этот камень так хорошо, будто сами его создали. Он состоит из того же, из чего и мы. Как можно о нем что-то знать? Мы просто чувствуем его. А люди, писавшие книги, на самом деле считали, что у целого есть части. Их воображение было столь бедно, что им все надо было вычислять. Беловолосый человек видел книги, целиком посвященные вычислению числа Пи. Люди вычисляли и вычисляли его и никак не могли завершить эти вычисления. Они не могли понять, что число Пи нельзя вычислить, потому что это не число, а чувство. В данном случае – чувство меры, чувство красоты. Но люди, писавшие книги, не могли чувствовать это чувство сильно и точно. Их чувства были неясными. Поэтому они пытались все вычислить и все понять. Они не знали ответов. Они жили в мире, где не было ответов, так же как мы живем в мире, где нет вопросов.

Ванглен в глубокой задумчивости уставился в песок, но Ньен все говорил и говорил.

– Они называли это наукой. Но их наука еще не дошла до понимания главной научной истины: нет верных или неверных ответов. Разум всемогущ и может доказать все, что угодно. Не только то, что есть, но и то, чего нет. Нет верных ответов. Верны лишь чувства. Но чувства людей в те времена были несовершенны. Они могли чувствовать не только любовь и счастье, но и их противоположность. И тогда они придумали искусство, чтобы чувствовать чувства. Им нужны были звуки, чтобы слышать гармонию мира. Они называли это музыкой. Им нужны

были краски, чтобы видеть красоту. Они называли это живописью. Им нужны были слова, чтобы выразить чувства. Они называли это литературой. Но чтобы люди могли чувствовать чувства, в них говорилось не только о чувствах, но и об их противоположностях. Нам трудно даже представить то, о чем говорилось в этих книгах. В них говорилось о том, что любовь может быть мукой. Что ветер, ласкающий листву, способен рвать ее с ветвей. Что дождь может длиться сутками, а не моросить недолго перед самым рассветом. Что цветы могут не только цвести, но и вянуть. Что мир может быть жестоким, а люди способны умирать не только от счастья. Они называли это поэзией. В ней о чувствах говорилось словами! Это вообще невозможно вынести. Вот послушай:

Любовь коснулась губ
Нежней, чем можно
Выдержать, и груб
Казался воздух,
Которым я когда-то жил —
Тот мускус был так густ,
Что голову кружил...

В этот момент Ванглена мучительно стошнило на песок какими-то желто-зелеными сгустками. Он совсем было уснул, но при звуке стихов природа выручила.

– Противно думать! – пожаловался он.

– Дыши ровнее, – спохватился Ньен. – Не смотри вглубь себя. Смотри на землю или на небо. Или на море, как это делаю я, когда тошнотные мысли одолевают. Полюбуйся на что-нибудь. Тебе станет легче.

– У меня плохое чувство! – простонал Ванглен Ньен подбежал к ближайшему дереву, сорвал с него цветок побольше и сунул его в нос Ванглену.

– Если книги не приносят счастья, то почему мы, люди, умираем от них? – прошептал Ванглен, жадно прижимая цветок к лицу.

– А почему ты думаешь, что мы – люди? – солнце почти село, и на божественном лице Ньена играли его багровые отблески.

7

Мир, в котором живет борец во время схватки, совсем не похож на обычный мир. Время и пространство одновременно сжимаются и растягиваются. Прием надо проводить с максимальной скоростью, со скоростью мысли. Но иногда и мысль не поспевала за развитием событий, и тогда на помощь приходила интуиция, опережающая и события, и время, и саму мысль. При этом в каждое мгновение схватки может уместиться столько действий, что мыслей о них хватило бы на день обычной жизни. Борец даже видит иначе. Иногда Ванглен совсем слеп от усилий, но это не мешало ему отлично чувствовать все действия Ньена и контролировать дистанцию до него с предельной точностью. Борец видит соперника не глазами. Он ощущает его всем своим телом, всей кожей и внутренностями, каждая из непрерывно напрягающихся мышц говорит ему о положении, действиях и даже о мыслях противника. Мышечное чувство – вот зрение борца.

Стойка Ньена обычно была выше, хотя он защищался, а нападал в начале схватки всегда Ванглен. Таку них повелось с самой первой встречи. И дело не в том, что Ванглен больше жаждал борьбы, горячился или хотел что-то доказать себе или сопернику. Ньен – более сильный борец, это и так ясно. Но его превосходство не было абсолютным. Ванглен обладал своими достоинствами. Он был гибче, ловчее, но самое главное – быстрее. Латентный период его мышц был короче.

Преимущество в скорости, с которой его мышцы выполняли команды мозга, могло показаться совсем незначительным, моргнуть – и то больше времени занимает, но в борьбе мгновения играют решающую роль.

У Ванглена самыми быстрыми были икроножные мышцы, чуть отставали от них в скорости реакции мышцы спины. Двуглавой мышцей плеча можно было гордиться, а вот дельтовидная и трехглавая мышцы работали не столь проворно, хотя обладали достаточной взрывной силой, чтобы держать в постоянном напряжении даже такого борца, как Ньен. Прямая мышца живота работала медленнее, и об этом надо было всегда помнить. Но хуже всего дела обстояли с четырехглавой мышцей бедра. Это было уязвимое место. А вот у Ньена самыми быстрыми были как раз бедра и трехглавая мышца плеча. Ванглен все это знал и готовился к схватке с учетом всех этих особенностей.

Схватка начиналась с борьбы за захваты. Внешне почти ничего не происходило. После первых наскоков и оплеух, которыми борцы словно бы приветствовали друг друга, стараясь справиться с охватившим их восторгом, начиналось долгое единоборство. Иногда схватка напоминала Ванглену размеренную беседу, обмен мнениями, а порой она превращалась во вдохновенный спор, полный высоких порывов, откровений и самых неожиданных поворотов, который всегда жалко было заканчивать и в котором горячее стремление опровергнуть аргументы друг друга доходило до крайней нетерпимости, но который все же был невозможен без соучастия. Соперники, полусогнувшись, топтались друг возле друга, стараясь ловчее ухватить один другого за шею, кисть, предплечье или плечо в поисках входа в прием и препятствуя удобному захвату оппонента. Солнце могло пройти половину небосклона, а взмокшие Ванглен и Ньен все так же топтались на песке, упершись лбами и сплетясь руками. Вроде бы ничего особенного не происходило. Но на самом деле это был один из самых волнующих и напряженных периодов схватки. О, если бы кто-то мог в этот момент заглянуть борцам в мозг!

Он увидел бы там феерический каскад приемов: отвлекающая попытка взять предплечье на ключ, на самом деле лишь маскирующая истинные намерения и срывающая соперника из устойчивого положения, стремительный нырок под руку, захват, подбив ноги бедром, вертушка, перевод в партер, захват рук и туловища, накат с выходом на мост, когда ты чувствуешь (весомое, сладостное и всеобъемлющее чувство!), что все твое тело становится частью приема,

превращается в путь, по которому этот прием реализуется в сжавшихся и одновременно растянувшихся времени и пространстве, словно не ты проводишь прием, а прием – тебя, и именно в результате этого приема ты, твое тело по-настоящему существует, затем еще накат, за которым следует немедленный захват туловища сзади и бросок через себя с высокой амплитудой, после чего делается замок на плечо и шею, дожимающий поверженного соперника.

И вся эта феерия внутренней борьбы скрывалась за небольшим движением мышц, даже не движением, а намерением Ванглена сделать это движение. Но Ньен уже все просчитал в своей голове и сорвал атаку, едва заметно сместившись вперед и вправо, чуть изменив положение центра тяжести своего тела, сделав полушаг навстречу потенциальной угрозе. Ньен знал, что атаку надо гасить еще на попытке входа в прием, пока она не набрала темп и инерцию, не стала неотвратимой, не превратилась в удар, сметающий все на своем пути. И даже это уже недостаточно своевременно. Атаку надо гасить на этапе замысла, предугадав намерения противника, пересчитав его. И в головах борцов постоянно шел расчет будущих действий и противодействий, своих и соперника. Вокруг простой вертушки, о которой невозможно было даже помыслить, чтобы она удалась в единоборстве двух столь опытных борцов, Ванглен и Ньен могли разыгрывать в голове целые баталии.

А со стороны казалось, что ничего особенного не происходит: сопение, возня, полушаги, подтанцовывания, попытки сдвинуть друг друга с места, раскачать, вывести из равновесия, чуть-чуть, на полпальца, улучшить захват. Но за всей этой невзрачной толкотней стояли стремительные движения мысли. В каждом борце таилось бесчисленное множество отработанных до автоматизма программ действий. Прием или каскад приемов могли последовать в любое мгновение, как только мозг борца, его мышечное самосознание определит, что его тело, руки и ноги, а также тело соперника в своем постоянно меняющемся противоборстве взаимоположений, захватов и контрзахватов, – как только эти тела хотя бы на самый летучий миг принимали позицию, позволяющую провести атакующее действие. В этом случае прием последует незамедлительно, и для этого опытному борцу порой даже не надо принимать сознательного решения. Его тело, его мозг все сделают сами, мгновенно взорвавшись отработанными действиями. Конечно, именно сознание играло в борьбе главную роль. Более того, главным образом это была не борьба мышц, а борьба нервов, борьба умов.

Внешне все выглядело как однообразная возня двух гигантов, топчущихся в песке на одном месте. Но на самом деле шла напряженная, изматывающая внутренняя борьба, состоящая из микроатак и порой незаметных глазу контрприемов, проходивших на фоне силового давления и противодействия, и каждый из борцов постоянно и очень остро ощущал, какой опасности противостоит. Каждый знал, что малейшая неловкость, заминка или неверное движение закончатся для него мгновенной, неотразимой атакой и неизбежным поражением.

Пользуясь преимуществом в скорости реакции своих мышц, Ванглен создавал Ньену угрозу за угрозой. Ванглен вынужден был постоянно атаковать. Он знал, что стоит ему хотя бы на мгновение ослабить натиск и проявить чуть меньше изобретательности в создании угроз, и Ньен сомнет его.

Ванглен знал все приемы борьбы. Их было так много, что ему не хватило бы дня, чтобы показать их все, если бы кто-то попросил его об этом. И каждый из этих приемов мог выполняться из множества положений во множестве вариантов. Ванглен знал, что нет ничего хуже, чем раз и навсегда, жестким образом заученный прием. Из сильной стороны он превращается в слабость, в стереотип, узнав о котором, соперник легко может подловить борца на контратаке. Вся жизнь борца проходила в отработке приемов до полного автоматизма, а затем – в борьбе с косным навыком, мешающим творческой интерпретации слишком жестко заученного действия в случайной вариативности боя. Каждый случай применения того или иного приема требовал особого подхода. Ванглен порой сам изумлялся неисчерпаемости путей, которые он видел в развитии техники своей борьбы. Ведь даже самый отработанный прием никогда не проводится

в чистом виде. В реальной схватке невозможно уловить момент, когда кончается один прием и начинается другой. Бессмысленно даже пытаться проводить изолированный прием в единоборстве с опытным противником. На каждый прием существует две-три защиты и несколько контрприемов.

Но защита от одного приема создает благоприятные условия для проведения другого. Каждый прием нужно встраивать в комбинацию, и таких комбинаций – простых и сложных, длинных и коротких, жестко определяющих действия и противодействия соперников – построить можно неисчислимое множество. Действительные намерения следовало маскировать ложными атаками. Причем ложные атаки становились действенным средством борьбы лишь тогда, когда могли в любое мгновение стать реальными действиями. Борец должен верить в успех своей атаки, в реальность создаваемой им угрозы и своей верой заставлять соперника сосредотачиваться на защите.

Техника и тактика борьбы, связанные между собой неразрывно, предоставляли столько возможностей для реализации самых изощренных замыслов, что, казалось, всей жизни не хватит, чтобы продумать и воплотить их в реальной схватке. Ванглен мог часами сидеть на берегу, уставившись в пустоту перед собой, и придумывать все новые и новые комбинации. Даже когда он любовался чем-то, нюхал цветы или был с женщиной, он постоянно ощущал, что где-то в глубине его существа постоянно идет напряженная внутренняя борьба.

Внешне ничего особенного не происходило. Возня борцов, их движения могли показаться даже медлительными и ленивыми, но за ними стояла молниеносная работа мысли. Угрозы возникали одна за другой. Ванглен ставил капканы, готовил ловушки, создавал завесу сбивающих факторов, прокручивал в голове самые изощренные варианты развития событий. Иногда его комбинации были столь остроумны, что Ньен не выдерживал и начинал смеяться прямо в ходе схватки, несмотря на всю напряженность момента. Ванглен стремился запутать, сбить соперника с толку, заставить его врасплох, удивить, ошеломить, опередить хоть на мгновение в своих расчетах, но Ньен всегда был настороже, и рано или поздно наступал момент, когда он начинал брать верх в этой сложной игре угроз и противодействий.

Дело не в том, что Ванглен уставал физически. Конечно, он уставал, но это тоже была часть борьбы, и физически он мог продолжать поединок несколько дней без перерыва. Ванглен прекрасно владел своим телом и умел чередовать различные типы мышечной активности – взрывные усилия стяговыми, предельные нагрузки с релаксацией, преодолевающий, уступающий и удерживающие режимы работы, статику с динамикой боя. Умение дать отдых той или иной группе мышц в ходе схватки, следить за дыханием, поменять стойку с левосторонней на правостороннюю или фронтальную – важнейшая составляющая искусства борьбы, в свою очередь еще более усложнявшая ее тактику и стратегию, ту игру, которую вели соперники. Но в борьбе изнемогало не тело Ванглена, а его мозг.

Ванглен уставал верить в успех своих атак. Его мозг переставал справляться с объемом поступающей информации, и рано или поздно это приводило к едва заметному сбою в хорошо продуманных действиях, неуловимой потере концентрации, небольшой неточности в положении рук, ног и тела, и Ньен мгновенно пользовался удобным случаем.

Ванглен еще не успевал толком осознать, что произошло, а соперник уже швырял его в воздух. Земля на одно очень долгое мгновение менялась местами с небом, и Ванглен парил где-то высоко, беспомощный и невесомый, перед тем как рухнуть в песок. Дальнейшее было делом техники и напоминало любовь. Ньен наседал сверху. Ванглен конвульсировал внизу, жадно хватая воздух ртом. Эта агония могла продолжаться довольно долго, но решалось все в один ослепительный миг.

Их схватки порой начинались ранним утром, а заканчивались на закате, хотя Ванглен хорошо понимал, что Ньен мог бы расправиться с ним гораздо быстрее, если бы не одна особенность. Дело в том, что гигант всегда заканчивал бой одним и тем же приемом – броском

через спину. Это был один из самых красивых и самых сложных приемов борьбы, но Ньен умел проводить его практически из любого положения. Достаточно малейшей заминки – не в действиях даже, а в мыслях – и Ванглен взлетал в воздух. Ньен мог бы просто перевести Ванглена в партер и укатать в песок одними накатами, но он заканчивал единоборство только своим любимым броском.

Ванглен прекрасно знал об этом и строил всю свою тактику и стратегию вокруг этого факта. Он много дней размышлял об этом, бесчисленное количество раз прокручивал в голове малейшие нюансы их прошлых схваток, изобретал новые уловки, подбирал сложнейшие комбинации, и все же каждый раз Ньен проводил этот прием неожиданно, неординарно, всегда как-то по-новому, но неизменно красиво и яростно. Ванглен много размышлял над этим приемом и средствами противодействия ему.

В ходе схватки он мог сорвать несколько попыток его применения, что приводило Ньена в полный восторг, от которого он впадал в совершенное неистовство, делавшее его абсолютно необоримым. Сперва Ванглен думал, что этим бешенством Ньен вызывает в себе дополнительные силы, позволяющие ему сокрушить любое сопротивление, но постепенно Ванглен понял, что таким образом проявлялось высшее вдохновение этого могучего борца. Дело было не в том, что Ньен сильнее. Это и так ясно, и колосс мог бы продемонстрировать свое превосходство в силе бесконечным числом других способов. Но Ванглен умел противостоять силе, умел использовать ее в своих целях, и одной силы было недостаточно, чтобы победить его. Поэтому Ньен в первую очередь стремился продемонстрировать то, что он умнее, расчетливее и искуснее. Даже в своей необузданной ярости, которая тоже была частью вдохновенного расчета. Он побеждал в своем воображении. Даже то, что он думал в течение схватки лишь об одном приеме, давало ему преимущество. Ведь в то время как Ванглен планировал множество комбинаций, Ньен все время думал об одном и том же. А в Антарктиде, если о чем-то долго думать, то это непременно происходит.

8

Несколько дней Ванглен провел в одиночестве. Ньен уплыл к горизонту, но юноша чувствовал себя таким счастливым, что даже не замечал отсутствия друга. Он вставал на заре, встречал солнце, плавал, бегал, швырял камни, нюхал цветы, а потом валялся на берегу, прислушиваясь к шелесту пальм и плеску моря, и наслаждался внутренней борьбой. Ванглен был так счастлив, что вновь увидев девушку на берегу, лишь в это мгновение осознал, как страстно ему хотелось встретиться с ней.

Ванглен так разволновался при виде девушки, что даже не смог окликнуть ее, точно чьи-то пальцы в борьбе сдавили ему горло. Девушка шла навстречу, а Ванглен замедлял шаги. Он вдруг так ослабел, что не мог больше двигаться быстро. Он боялся, что его тело осыплется песком, схлынет волной в море, растворится в воздухе, словно аромат цветка. Он шел навстречу девушке бесконечно долго. У него было такое чувство, что он шел к ней всю свою жизнь.

Его руки – это были словно не его руки. Его ноги не слушались его. Он будто заново учился ходить. Каждый его шаг был первым. На него всякий раз надо было решиться. Он чувствовал, что с каждым шагом сердце в его груди билось все сильнее – не быстрее, а глубже, – и в конце концов ему показалось, что он весь превратился в одно содрогающееся сердце.

Она шла навстречу. Легко и красиво. И чем ближе они становились, тем яснее Ванглен осознавал, что никогда еще в жизни не встречал девушки прекраснее. Она была нереально красива. Ее хрупкость казалось вызовом физической силе его взгляда. Но тонкость ее черт и фигуры сочеталась с точностью и уверенностью легких движений. Она отрицала реальность и одновременно оправдывала ее со всеми этими длинными, солнечными днями.

Она подошла совсем близко. О, какое у нее было лицо! В это лицо можно было смотреть целую вечность. На одни эти полуоткрытые губы ушли бы несколько жизней. А ее глаза! Это были не глаза, а свет, ледяющий и обжигающий вместе. Ее тело было порождением всех стихий, их средоточием, местом их встречи и совершенного равновесия. Она была прекрасна, как может быть лишь мечта о прекрасном, его, Ванглена, мечта, которой он грезил во всех своих снах, и все же не мог вообразить, какой прекрасной она может быть наяву, потому что если бы он хотя бы на краткий миг отчетливо вообразил это, то немедленно сошел бы с ума, оттого что видит ее во сне, а не наяву, и даже теперь, увидев ее наяву, он не был до конца уверен, что это не сон. Она была, как все его сны, вместе взятые. Не плоть – сгусток света и тени, которыми нельзя обладать, в которые можно лишь погрузиться, сгореть в протуберанцах рук и ног, в ослепительном свете лица, в ледяном огне глаз, в черном зареве ее волос, во всполохах груди и бедер, в трепетном пламени живота. Воздух стекленел и плавился от нежности ее кожи.

Ванглен остановился, не в силах сделать последнего шага. Он не смел даже вздохнуть, чтобы не смутить видения. Он не мог шевельнуться, несмотря на страстное желание и закаленную волю борца. Потому что вдруг понял, что мертв. Что он не жил до этого мгновения. В нем просто не могло быть жизни, потому что вся его жизнь сосредоточилась в этой девушке в шаге от него.

Девушка смотрела на Ванглена так, будто впервые его видела, будто вообще впервые видела мужчину, человека. А потом она полупрозрачной ладонью коснулась его щеки и даровала жизнь. Ванглен едва выдержал это прикосновение. Это было все равно что родиться заново. И Ванглен со всей страстью бросился жить.

Они не могли больше существовать отдельно, как душа и тело. И они попытались слиться, проникнуть друг в друга так глубоко, как только это возможно. И еще, и еще, и еще раз. Весь мир вокруг них превратился в одно огромное содрогающееся сердце. Ее глаза стали черными, и Ванглен все падал и падал в эту бездну, пока маленькая смерть не снизошла на обоих.

9

Ванглен не помнил, сколько времени они провели вместе, прежде чем мир вокруг вновь стал обретать знакомые очертания – моря, неба, песка, деревьев, цветов и солнца. Был вечер. И было утро. Лунная ночь. И солнечный день, который казался тусклым после того огня, который испепелял обоих.

Ванглен лежал на спине, запрокинув голову, и ему казалось, что море стало небом, а небо – морем. Ему казалось, что он на небе. Голова девушки лежала на его плече. Ее черные волосы разметались по его груди. Ее синие глаза светились на темном от загара лице.

– Как тебя зовут? – спросил Ванглен.

Девушка смотрела на него так, будто этот вопрос для нее ничего не значил, будто она даже не понимает смысла этих слов, и Ванглен вновь испугался, что пребывание там, за чертой жизни, не прошло для нее бесследно.

– Меня зовут Ванглен, – ткнул себя пальцем в грудь Ванглен, а потом коснулся девушки. – А как зовут тебя?

– Ванглен... Тогда, наверное, меня зовут Киллена, – улыбнулась девушка.

– Ты не помнишь, как тебя зовут? – удивился Ванглен.

– Я так люблю тебя, что позабыла обо всем на свете, – ответила Киллена, и свет в ее глазах стал густым и синим. – Я так люблю, что забыла себя. Мне кажется, что я помню лишь тебя, моя любовь. Что я всю жизнь помнила лишь тебя. Я искала тебя. Я бродила по земле. Я плыла от острова к острову. Но никак не могла вспомнить, где я тебя видела. Иногда мне казалось, что я видела тебя лишь во сне, что на самом деле тебя нет, что я тебя выдумала.

– Ты не помнишь, как мы встретились? – рассмеялся Ванглен.

– Значит, мы встречались не во сне?

– Я встретил тебя здесь, на этом острове. Ты сидела на песке и... читала книгу. Разве ты не помнишь этого?

– Я помню лишь тебя, – полыхнула взглядом Киллена. – Мне кажется, что до встречи с тобой меня вообще не было. Это была не я. Я помню, что та я, что была до меня, жила в большом городе, где было так много домов, что из окна одного всегда можно было разглядеть крышу другого, и где было так много людей, что, не побродив и дня, обязательно встретишь человека. И эти люди были столь прекрасны, что я влюблялась во всех мужчин и во всех женщин. И всякий раз это была любовь с первого взгляда, потому что нельзя было не полюбить их, увидев хотя бы раз. И люди любили меня. Рядом со мной, вокруг меня, во мне было столько любви! Мы целыми днями танцевали! Танцевали и любили друг друга. Любовь и нежность переполняли меня. Я выплескивала их на первого встречного, но любви во мне не становилось меньше. Ее становилось больше. И я не могла вынести этого счастья. Я ушла от людей. Я уплыла от них в море. Я плыла много дней и ночей, от острова к острову, и никого не встречала на своем пути. Никогда еще я так долго не была одна. И никогда еще я не была так счастлива. С каждым днем я становилась все счастливее. Я вся горела внутри и таяла снаружи от прикосновения ветра, волны, луча солнца. Мои чувства обострились настолько, что даже собственные движения стали для меня источником нестерпимого наслаждения. Я плыла и чувствовала, что наслаждение растет во мне с каждым взмахом руки, растет и достигает экстаза, которого я не испытывала ни с одним мужчиной и ни с одной женщиной. И тогда я выходила на берег и отдыхала. В то хрустальное утро я вышла на берег, и ветер прильнул к моей груди с самой трепетной нежностью, а солнце опалило мою кожу сладчайшими поцелуями. Я бросилась в море, но вода обняла меня еще более жгучей лаской. Я каталась по песку, но он с нежностью льнул ко мне каждой своей песчинкой, мириадами песчинок. Я чувствовала, что больше не могу этого вынести. Умирать от счастья – это так трудно! Я пряталась в тени деревьев, скрывалась в

домах. Но это не приносило покоя. Море, солнце и ветер звали меня, и я не могла противиться этому зову. И тогда я вышла на берег и почувствовала, что достигла высшего счастья, счастья, которое невозможно выдержать, от которого нет спасения, потому что оно бесконечно, и от которого невозможно избавиться, потому что оно – это и есть я сама. И вдруг я увидела книгу.

Я не помню, где нашла ее и каким образом она оказалась в моих руках, но мне ничего больше не оставалось, как открыть ее...

Киллена молчала. Ванглен гладил ее волосы.

– Ты помнишь, что было написано в книге? – вдруг спросил он, и лицо его при этом осталось совершенно спокойным.

– Этого нельзя рассказать, – глаза Киллены изменили цвет. – Но не потому, что я этого не помню. Там были вопросы, на которые нет ответа. Но не потому, что ответа нет. Смысл этих вопросов не в ответах, а лишь в том, чтобы человек задался ими. И начал думать.

Взгляд Киллены посерел, словно сумерки, и она произнесла слова, которые оглушили Ванглена. Он пытался понять, что она говорит, но не мог. Ее губы шевелились беззвучно.

– Я тебя не слышу! – орал Ванглен, глядя на беззвучные губы Киллены.

– Не слышу! Я не слышу тебя, Киллена!

Он взглянул ей в глаза, и это спасло обоих. Ванглен обхватил ее за плечи, встряхнул, стал целовать, заставил посмотреть себе в лицо. Киллена очнулась. Взгляд ее просиял.

– Когда в то утро я открыла книгу, то думала, что достигла высшего счастья, – горячо зашептала Киллена на ухо Ванглену. – Но я ошиблась. Никогда! Никогда еще я не была так счастлива, как в эту минуту с тобой!

10

Когда Ванглен очнулся от сна, было раннее утро, самый милый его сердцу час. Ванглен сел на прохладном песке и сразу увидел Киллену и Ньена. Они танцевали. Это было прекрасно.

Ньен был огромен, как гора. Киллена рядом с ним казалась порывом ветра в верхушках сосен, плеском волны у подножья скалы, лучом света, мерцающим в темноте пещеры. Музыка, под которую они танцевали, была беззвучной, но Ванглен так же ясно слышал каждый перелив ее мелодии, как видел движения двух нагих тел в резких лучах восходящего солнца, на розовом песке, на фоне глубинной синевы гладкого, как кожа девушки, моря.

Мелодии, которые вели Ньен и Киллена, были столь же разными, как и они сами. Чтобы подчеркнуть этот контраст, Ньен совершал странные и резкие движения, будто он не танцевал, а разминался перед схваткой. Бугры его мышц перекатывались и вспухали под кожей. Его могучая фигура, казалось, заслоняла все небо над трепещущей Килленой. Если бы в этом мире существовала угроза, то Ванглен сказал бы, что Ньен угрожал Киллене. Он грозил ей, как грозит волнам скала, висящая над морем, и ждущая, когда же волны подточат ее. Ньен словно творил над Килленой каменный небосвод, готовый низвергнуться огненной лавой страсти, клокотавшей в глухом подземелье его музыки.

Киллена вела совсем другую мелодию. Она была высока, тонка и печальна, невыразима печальна. Ванглен никогда не слышал ничего подобного. Киллена словно бы принесла эту музыку из какого-то другого мира, где она побывала и откуда Ванглен вновь вызвал ее к жизни. Он жадно слушал эту музыку, которая беззвучно раздавалась не то в его душе, не то повсюду вокруг. Ванглен окаменел от восторга. Нет ничего на свете прекраснее музыки. Особенно, если она печальна и звучит внутри. Наслаждение можно чувствовать, не зная боли, но радость невозможно понять без печали. Впрочем, в Антарктиде и печаль была радостью. Музыка была единственной печалью в Антарктиде. Слушать ее – высшее наслаждение.

Беззвучные слезы, которые лила Киллена в танце, не были светлыми. И все же магическая красота ее движений превозмогала скорбь, и это мешало Киллене выразить всю глубину печали в этом сияющем мире восходящего над Антарктидой солнца. Мучась этим, Киллена пыталась выскользнуть из грациозности собственного тела, но чем больше она старалась сбросить с себя несказанное изящество хрупкой плоти, тем прекраснее и чувственнее становились ее отчаянные жесты.

Киллена вытягивалась в струну. И струна звенела. Девушка ломалась и падала, но музыка взметалась ввысь и поднимала ее за собой. Самые странные и угловатые ее жесты были слишком красивы, чтобы казаться случайными.

Музыка рыдала, как душа, лишенная плоти. Как душа, которая жаждет стать плотью, чтобы насладиться физической близостью с этим сверкающим миром, и Киллена всем своим существом отдавалась музыке, чтобы та могла хоть немного утешиться ею. Киллена стремилась стать музыкой, раствориться в ней.

Увлечшись этой игрой, Киллена не замечала ничего вокруг себя и не видела той каменной бури, которую вздымал над ней Ньен. Огонек ее тела бился на песке, сам к себе льнул и сам себя отталкивал, и Ньен постепенно приходил в бешенство оттого, что ее мелодия не замечает громады его страстного танца. Все его попытки навязать Киллене свою музыку разбивались о ее самозабвенную игру. И Ньен, как обычно, впал в неистовство. Его танец превратился в череду конвульсивных выбросов энергии, рассыпался в перевозданный хаос. Жилы вздулись на его теле. Ньен напрягал всю свою мощь, чтобы обрести опору в разверзшейся вокруг него пустоте. Его чудовищный черный пест вздулся и окаменел, словно новый пуп мироздания, и Ньен принялся восставать из огня своей страсти.

У танца возникла новая линия. Она мелькнула сперва как случайное соприкосновение двух тел, самых кончиков их пальцев. И все крепла и крепла по мере того, как эти тела и их мелодии становились все более непрозрачными друг для друга. Эта линия сразу заставила Ванглена позабыть обо всем на свете. Потому что это была его любимая тема – тема борьбы.

Вновь обретший себя, словно сам себя из собственных бедер родивший, Ньен сперва попытался увлечь Киллену одной только мощью своих замахов. Но девушка ускользала из его рук, словно вода или ветер.

Тогда Ньен попытался пустить в ход силу. Сделать это было нелегко, слишком уж разной была природа танца обоих. Они смешались, словно свет и тьма, словно огонь и воздух. Ньен бросался на Киллену и отскакивал от нее, отраженный и обезображенный. Киллена играла и билась, не даваясь в руки гиганту, отчаянно сопротивляясь тяжелому ритму его тектонической музыки, которой он пытался растоптать ее полет. И все же ее красота была слишком земной, слишком зримой и чувственной, чтобы долго ускользать от объятий. Киллена так и не смогла стать музыкой, и Ньен стал овладевать ее танцем физически.

Прямая борьба между ними казалась немислимой, и все же она завязалась. Киллена стекала с рук Ньена, как ручей со скалы, она металась по кругу, очерченному его страстным взглядом. Она изо всех сил стремилась вырваться из этого круга, выбежать, выпорхнуть, выкатиться, выползти из него. Она то парила, то пресмыкалась. Но всякий раз Ньен настигал ее, стеной вставал на пути ее полета, успевал схватить за руки, ноги, плечи, волосы и вновь швырнуть в безумное горнило своего танца. Он сметал ее, как лавина. Он кружил ее, как лепесток в горном потоке. Он швырял ее в небо, втапывал в землю, нянчил и терзал, вдыхал, пил ее. Он окружал ее своей огнедышащей плотью, он смыкался над ней, поглощал ее. Киллена билась и изнемогала. Не в силах противиться силе, она попыталась сжаться в мерцающую точку, погаснуть, как луч заходящего солнца, уйти в песок, как волна. Но Ньен разжигал ее руки и ноги, снова раздувая пламя схватки.

Их борьба стала буквальной. Верный своей тактике, Ньен медлил, чтобы утомить Киллену, чтобы бешеная ярость ее сопротивления растворилась в тяжести его мышц, в буграх его вздувшейся спины, в глыбах ягодиц. Но, стремясь закончить бой красиво, он не стал ждать ее полного изнеможения. В тот миг, когда ярость девушки достигла пика и заставила Киллену на слишком долгий миг раскрыться навстречу его мощи, он положил ее на лопатки, вмял в песок и начал доставлять удовольствие поражения, тяжело и мощно, не обращая больше внимания на конвульсии маленького тела, которые скоро перешли в судороги наслаждения, в агонию страсти. Их танец стал общим. Ванглен сидел, очарованный, прислушиваясь к последним вздохам музыки, а затем встал и присоединился к ним.

Весь этот долгий день они любили ее, вдвоем и по очереди. А когда больше не было сил любить, когда кожу саднило даже дыхание, не то что прикосновение, обжигал взгляд, не говоря о поцелуе, они танцевали, чтобы быть вместе, не касаясь друг к друга, чтобы чувствовать, не глядя один на другого. Весь день они любили и отдыхали от любви, плавали и дремали вместе, танцевали и дурачились, перебивая музыкальные экспромты друг друга. И снова любили. И ее, такой маленькой и хрупкой, хватало обоим, даже когда они были с ней вдвоем, и все же ее было мало, даже когда она оставалась с одним из них. Она ласкалась к ним всем своим фантастическим телом, и ей не хватало их, даже когда они любили ее оба.

А вечером они сидели рядом и смотрели на закат, как это любил делать Ньен. И непонятно было, как они оказались на противоположном конце острова и сколько времени прошло с утра на самом деле. Они любовались заходящим за дальний архипелаг солнцем, пока на небе не высыпали огромные звезды. Тьма шелестела в пальмах. Многоцветные ленты полярного сияния полыхали необыкновенно ярко, и Ванглен подумал, что сегодня очень много людей смотрят на небо. Песок светился. Море струилось потоками подводного света. Это была прекрасная видимость. Никогда еще они не были так счастливы.

11

Киллена и Ньен нарвали в зарослях еды, а Ванглен принес из ближайшего дома кувшин и наполнил его нектаром из больших фиолетово-оранжевых плодов. Киллене захотелось баклажанов с начинкой из тающе-сладкого желе, а мужчины набросились на бананы, мясистые и пахучие. Когда их срываешь с ветки, они начинали быстро созревать и греться. Ньен любил их есть полусырыми, брызжущими горячим красным соком. При этом он обильно посыпал еду жгучей пылью маленьких ярко-красных цветов. Ванглен подождал, пока сочная мякоть прожарится до солоноватой корочки и лишь после этого ободрал почерневшую кожуру и впился зубами в тугую, волокнистую плоть. Еда была такой вкусной, что все трое постанывали, пока ели.

Насладившись пищей, они некоторое время сидели молча, нюхали цветы и пили нектар. Стало совсем темно. Ньен сломал несколько веток, сложил их домиком на песке и воспламенил взглядом. Охмелевший от еды и нектара Ванглен разглядывал кувшин. По красному фону его боков бежали черные контуры людей: могучие фигуры мужчин и тонкие силуэты женщин. Мужчины боролись и преследовали женщин. Женщины танцевали и манили мужчин. Это было очень красиво.

Ванглен сунул руку в огонь, глядя, как языки пламени лижут его кожу, наслаждаясь его лаской. Кожура съеденных плодов таяла на песке, на глазах превращаясь в аромат. Ванглен сунул в костер вторую руку и омыл ладони синим пламенем. Кожа стала сухой и чистой.

Киллена сделала Ванглену и Ньену венки из больших белых цветов, а себе – браслеты из ярко-красных побегов на руки и ноги. Она вновь стала девушкой и принялась тихонько пританцовывать вокруг костра, временами обрывая мелодию и начиная ее вновь. Ванглен лег на песок. Ему стало хмельно и весело. Звезды кружились перед глазами. Мириады переливающихся звезд! Они вспыхивали и гасли. Одни двигались медленно, едва заметно для глаза, другие быстрее. Они перемещались все вместе, целыми скоплениями и поодиночке, образуя все новые и новые созвездия.

– Как красиво! – прошептал Ванглен. – Как красиво! Как хочется оказаться прямо там!

– Где? – не понял осоловевший Ньен.

– Среди звезд! – почти пропел Ванглен. Небо кружилось над его головой.

– Мы и так среди звезд, – буркнул Ньен.

– Я как будто лечу! Ты хотел бы полететь к звездам, Ньен?

– Если бы хотел, то полетел бы.

– Ты умеешь летать?

– Конечно.

Ванглен уставился на Ньена в пьяном восторге.

– Это шутка! – восхитился Ванглен. – Пошути еще, Ньен!

– Когда я был очень молод и жил в горах, то однажды встретил мужчину.

– С белыми волосами? – перебил его Ванглен, уже готовый рассмеяться.

– Нет. У него вообще не было волос на теле, – продолжил Ньен и вновь остановился, терпеливо ожидая, пока Ванглен справится с приступом смеха.

– Как его звали? – спросил Ванглен.

– Какая разница? На самом деле ни у кого из нас нет имени. Ты зовешь меня Ньен, потому что я так тебе сказал. И для тебя я – Ньен, а она – Киллена. Но я встречал людей, которые звали меня совсем по-другому.

Ванглен блаженно улыбался. Нектар притупил его чувства и затуманил ум, и он мог спокойно думать. В нынешнем своем состоянии он мог бы так же спокойно висеть над пропастью, улыбаясь, или падать в нее, хохоча.

– У него не было ни волос, ни имени, но самое странное – это были его глаза. Они все время смеялись, – продолжал Ньен. – И вопрос, с которым он обратился ко мне, показался мне смешным и странным. Он спросил, не хочу ли я полетать? Он спросил так, будто не знал ответа. Я был тогда совсем молод, только что из-под куста, и он повел меня за собой, но не вниз, к морю, куда шли все, а вверх, в горы, к самым снеговым вершинам. Несколько дней и ночей мы карабкались к небу и звездам. Мы спали на голых камнях. Мы ели траву. Человек вел меня, а его глаза все смеялись. Наконец, на самом верху огромной скалы, мы остановились у края обрыва. Половину Антарктиды – от заснеженных гор до самого синего моря – я окинул одним взором. Мне кажется, я мог бы стоять там вечность, глядя на бесчисленные леса, долины, реки и озера далеко внизу. Это был самый красивый вид, что я видел в своей жизни. И тогда человек со смеющимися глазами сказал: «Ты хотел летать? Ну так лети!» И с этими словами он столкнул меня с обрыва. И я полетел прямо в эту красоту. Сначала головой вниз, беспорядочно кувыряясь. Затем мне удалось лечь на воздух. Ветер свистел у меня в ушах. Я летел, летел, летел, а потом – бац – грохнулся на камни. Удар был такой, что даже глаза лопнули.

Ванглен катался по песку, держась за живот и корчась от беззвучного хохота. Киллена даже перестала танцевать и с веселым изумлением воззрилась на мужчин.

– Это самая лучшая шутка, что я слышал в своей жизни, – простонал Ванглен, вытирая слезы на глазах.

– Только на третий день мокрое место, которое осталось от меня после падения, начало подсыхать. Я слизывал мох с камней, но все-таки встал на ноги. И как только я обрел способность двигаться, то вновь полез наверх, вскарабкался на обрыв, разбежался и полетел в эту ослепительную красоту. И вновь упал и разбился. И опять оброс плотью, встал и полез наверх, чтобы прыгнуть вниз, потому что невозможно было представить себе счастья большего, – чем то, что я ощущал в этих полетах. Никогда прежде я не переживал столь остро восторг жизни, как в тот миг, когда, раскинув руки, отрывался от края обрыва и летел в манящую бездну. И постепенно я стал замечать, что после каждого падения мои кости становились все крепче и крепче, на них нарастало все больше и больше мяса. С каждым разом я становился все тяжелее и тяжелее.

– Так вот откуда в тебе столько силы, – с пьяным умилением воскликнул Ванглен. Его глаза все еще были мокры от слез.

– А еще я стал замечать, что с каждым падением все крепче и тяжелее становилась моя голова, – продолжал Ньен. – В ней начали прорастать мысли, и моя голова в какой-то момент стала достаточно крепка, чтобы выдерживать их. Я чувствовал, что эти мысли явно не были моими. Они проникали извне в мою разбитую голову и прорастали в ней, как пережившие долгую засуху зерна. Они пускали корни, переплетались с чувствами, распускались, словно цветы. Изменились и мои чувства. С каждым разом чувство красоты, когда я смотрел на мир с обрыва, становилось все более глубоким. Оно стало таким сильным, что восторг падения, восторг вообще лишь мешал ему. И перед каждым следующим прыжком я стоял у края обрыва все дольше и дольше. Я думал, и у меня захватывало дух от одной только мысли. И однажды, забравшись наверх, я глянул с обрыва и понял: чтобы летать, не обязательно лезть вверх и прыгать вниз. И теперь я всегда летаю. Даже когда стою на берегу и гляжу в небо. Даже когда сижу и читаю книги.

– Ты умеешь читать книги? – рассмеялся Ванглен. – Кто научил тебя этому?

– А кто научил меня говорить? – поднял густые брови Ньен. – Мы умеем все это с самого рождения, как дышать и видеть, как плавать и ходить, умеем с того момента, как созреваем под родным кустом, открываем глаза и появляемся на свет где-то в лесах предгорья, чтобы начать свой путь к морю. И никто нас не учил этому. Просто мы это умеем. Трудность в другом. Мы не умеем думать. Даже когда мы думаем, что думаем, на самом деле думаем не мы. Это мысли

думают сами себя. В нас они просто прорастают, как сорная трава среди чувств. Наши здесь только чувства.

– Так вот почему меня тошнит от одной только мысли! – хохмил Ванглен.

– Думать противостоит естеству. Зачем думать? Думать – значит не понимать. А нам все и так понятно. Мы все понимаем от самого рождения. Мы от рождения знаем все. А когда все знаешь, очень трудно думать. Мучительно думать, когда понимаешь все. Сама мысль об этом невыносима.

– Ты думаешь? – рассмеялся Ванглен собственной шутке.

– Нет, я просто излагаю мысли, – сказал Ньен. – На самом деле мы не можем думать, потому что разум давно покинул нас. Беловолосый человек рассказывал мне, что когда-то люди были разумными. Они должны были думать, потому что не все понимали. Разум человека был ограничен. Но затем разум отделился от человека и получил неограниченные возможности. Став всемогущим, разум все понял. Он познал этот мир, и мир перестал быть ему интересен. Ведь невозможно понять одно и то же дважды. Тогда разум открыл для себя иные миры – или сотворил их, что одно и то же, – и ушел, чтобы творить и наслаждаться творчеством.

– Если разум оставил нас, то зачем он нас оставил? – все еще веселился Ванглен. – Зачем тогда мы?

– Невозможно жить, если все понимаешь. Разум все понял, и этот мир перестал для него существовать. Он превратился в чистое знание, в идеальную теорию, в полный набор данных. Обретя абсолютное знание и научившись думать и не ошибаться, разум утратил способность чувствовать: то есть видеть не то, что есть, а то, что кажется. Вместо этих чудных звезд и волшебного моря разум видит даже не сгустки праха, а сгустки пустоты – набор формул. Они изящны, но давно решены. А мы видим то, что кажется, – звезды и море. Этот мир создан, чтобы казаться. Потому-то он столь прекрасен. И этот мир существует лишь потому, что в нем есть мы – те, кто видит не то, что есть, а то, что кажется. Этот мир существует только потому, что мы не можем думать. Нельзя понять дважды, но чувствовать можно бесконечно.

– У меня такое чувство, что этот кувшин бесконечен, – заявил Ванглен, потягивая нектар.

– В общем, так оно и есть, – оживленно подхватил Ньен, его пьяные глаза странно бегали. – Его существование – замкнутый круг. Ты смотришь на него, потому что он существует. И даже если ты не смотришь на него, то он существует потому, что на него смотрит кто-то еще. И даже если никто на него не смотрит, то ты все равно знаешь, что он существует, потому что на него можно посмотреть. А теперь представь, что в мире не существует вообще никого, кто мог бы посмотреть на этот кувшин. Тогда этот кувшин перестает существовать. Он не существует, даже если существует. Этот рисунок на его боках становится рисунком лишь в твоём воображении. На самом деле это просто пятна, но для тебя это рисунок. Без тебя он – ничто, существуя – не существует. Увидеть в нем рисунок можешь только ты. И при этом ты создаешь его в своём воображении. Без тебя он, существуя, не существует. То же самое можно сказать и обо всем этом мире в целом. Для того чтобы все это существовало, нужен ты.

Лицо Ньена приобрело потешно-торжественное выражение. Венок сполз на затылок.

– Так все-таки этот кувшин есть или только кажется мне? – Ванглену было интересно, какой из неверных ответов выберет Ньен.

– Есть и казаться – это суть одно и то же, – продолжал вещать Ньен. – Есть этого мира вовсе не кажущееся. Казаться – основное свойство его есть. Этот мир есть для того, чтобы казаться. Но казаться для этого мира – это не значит казаться, но не быть. Казаться – это и есть его есть.

– Ну, это понятно, – хихикал Ванглен.

– А я перестал это понимать, поэтому стал думать, – разглагольствовал Ньен. – Этот кувшин есть, даже когда его нет. Если его разбить, то на том же столе и в том же доме, откуда

ты притащил его, появится точно такой же. И даже не точно такой же, а именно он. И будет как новый.

– Как смешно ты говоришь, – веселился Ванглен. – Ты говоришь так, будто ты прочитал обо всем этом в книгах. Будто этот удивительный мир удивляет тебя.

– Этот мир таков потому, что о таком мире мечтали люди. Это не мир, а мечта. Он существует, и кажется, чтобы мы наслаждались им. Мы лишились разума, но в нас необыкновенно развилась сила чувствовать радость и счастье. Счастье – наша среда обитания. Заповедник счастья – вот что вокруг нас. Мы не люди. Мы – звери. Звери в заповеднике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.